

de l'élan de la noblesse de 1768 à 1772 appelée «la Confédération de Bar» ainsi que de la période «de la lutte des romantiques et des classiques». Le pamphlétaire de l'émigration du camp aristocratique ou démocratique «s'identifie» avec l'attitude d'une autre réalité, mais aspire au même but: imposer le programme socio-politique de son parti ou de son groupement.

Les recherches de Mme E. Wróblewska ont fourni à un historien ou à un théoricien de la littérature polonaise des textes inestimables. Malgré le caractère satirique «déformatif» de ces informations, nous avons là une source de science très riche sur la réalité de l'émigration. L'auteur essayait de trouver un juste milieu pour transmettre des textes (le fond historique, l'appréciation des groupements parti-culiers, enfin la présentation des auteurs). Elle a attribué moins d'attention à l'analyse formelle de la satire polonaise de l'émigration des années 1831 — 1862, mais elle a introduit un certain nombre des notions d'un caractère «la variété de qualité»: la satire de l'ironie, de la colère, de l'indignation, du mépris (pour exprimer la présentation de A. Mickiewicz).

L'auteur s'efforce d'unir ne serait-ce que partiellement, une expression du contenu avec la structure et avec la construction de la satire de l'époque.

Des thèses et des revues des textes présentées dans le livre, résultent les conclusions importantes:

- dans la conscience génologique des pamphlétaires de l'émigration de la moitié du XIXe siècle, s'effaçait la compréhension de la satire comme genre littéraire à part;
- pamphlet, conte, ode, dialogue, épigramme, panégyrique, parodie, gardent une position prépondérante dans la hiérarchie des oeuvres satiriques de l'époque;
- il n'y a pas de genre littéraire pour un pamphlétaire d'alors qui n'aurait pas pu servir à ridiculiser ou à flétrir.

Il y avait des compte-rendu satiriques, des images de nature, des «reportages», des communiqués, des correspondances,

des rapports ironiques des cours et des discours ainsi que des chansons, des music-hall critiques. On exploitait, très à la mode, des prises formelles typiques pour les grands romantiques. Il y avait aussi des cantates de pamphlet, les élaborations au contenu pacifiques et les articles ironiques. Les tracts, les anonymes, les lettres étaient les plus employés; les pamphlétaires adoraient les jeux de mots et les aphorismes. Dans la création satirique de l'époque du romantisme, la tradition coexistait avec le présent. Le Siècle des Lumières laisse une empreinte ineffaçable dans les genres et les modèles littéraires. Il est à remarquer que dans la formation de ce genre se reflétaient les principales tendances de la satire d'alors de l'Europe.

Andrzej Staniszewski, Olsztyn

Traduit par Michalina Kuczyńska

Вячаслаў Рагойша, І НЯСЕ ЯНА ДАР... Беларуская паэзія на рускай і ўкраінскай мовах. Мінск 1977.

Практика 60-ти летнего социалистического строительства в Советском Союзе, углубление и упрочение братских взаимосвязей СССР со странами социалистического содружества блестяще подтверждают известное пророческое утверждение К. Маркса о том, что каждая нация может и должна учиться у других. В этом утверждении, как видим, К. Маркс четко разграничивает объективную, жизненную необходимость каждой нации учиться у других („должна“) и политическую, социальную возможность осуществлять это обучение, реальную способность обмениваться с другими нациями своим опытом, экономическими и духовными ценностями („может“). Создает такие органические потребности и обеспечивает возможность их полного удовлетворения только социалистический строй. Подтверждение тому — стремительный расцвет каждой советской республики за годы советской власти, многопластовые, поистине братские взаимосвязи между культурами всех народов советской Отчизны.

Исследованию одной из линий этих вза-

имосвязей — художественного перевода белорусской литературы на русский и украинский языки — и посвящена интересная, солидно аргументированная работа — В. Рагойши *І нясе яна дар...*

Известно, что советское, да и не только советское, литературоведение в последнее время уделяет теории и практике художественного перевода все более пристальное и результативное внимание. И тем не менее в комплексе вопросов, затрагивающих эту важнейшую отрасль духовной культуры, узким, малоизученным местом продолжает оставаться анализ художественных переводов из близких, родственных языков. Хотя отрадное, многообещающее начало и сделано. Статьи и призывы украинского поэта — академика М. Рыльского как бы нацеливают советских исследователей искусства перевода на изучение именно такого аспекта вопроса. Можно назвать изыскания в этом направлении В. Коптилова на Украине, Э. Мартыновой в Белоруссии. Появились подобные исследования и в других республиках. К ним примыкает, заметно и существенно их дополняя, книга В. Рагойши.

Сам автор довольно четко определил цель своего исследования. Вот она: „па-першае, выяўленне асаблівасцей (якіх і колькі) сучаснага стану беларуска — рускага і беларуска-ўкраінскага перакладу і, на аснове гэтага, вызначэнне хоць б некаторых нявырашаных пераклада з наўчых задач і праблем; па-другое, цвёрдая эмпірычная аснова ўсіх назіранняў і высноў“ (с. 9). При этом автор оговаривается, что в круг своих наблюдений он берет только наиболее значительные сборники белорусской поэзии на русском и украинском языках, появившиеся отдельными книжками в последнее десятилетие.

На самом же деле в книге В. Рагойши весь комплекс вопросов рассматривается значительно шире и глубже. По существу, в ней исследуются важнейшие аспекты переводческих принципов, принятых и используемых советскими теоретиками и практиками художественного перевода. В частности, В. Рагойша довольно обстоятельно изучает такие труднопреодолимые препятствия на пути каждого переводчика, как сохранение национального своеобразия ори-

гинала, вопрос об эквиметричности и эквилинеарности, о стилевом созвучии переводчика и автора оригинала, о сохранении доминанты переводимого произведения. Конечно, эти проблемы в советском литературоведении не новы, но в книге *І нясе яна дар...* они не просто повторяются. Рассматривая их на материале русско-белорусско-украинских взаимопереводов, В. Рагойша делает ценные обобщения и дает переводчикам конкретные рекомендации к преодолению всех этих трудностей. Уже это делает его книгу заметным, ценным пособием для тех, кто занимается художественным переводом.

Но только этим значимость книги В. Рагойши не исчерпывается. Нам даже кажется, что главное научное достоинство, новизна и своеобразие книги *І нясе яна дар...* состоит в том, что в ней вопросы теории перевода исследуются не абстрактно — они четко определены, привязаны к конкретному материалу — книгам переводов, уже выполняющим благородную миссию культурных взаимосвязей между русским, белорусским и украинским народами. То ли В. Рагойша анализирует переводы Янки Купалы, Максима Богдановича, Максима Танка на русский и украинский языки, то ли он рецензирует книги переводов Р. Лубкивского *Славянское небо*, М. Нагнибеды *Мой хлеб надзетны* или белорусский текст поэмы украинского поэта М. Нагнибеды *Званы Хатыні*, он последовательно развивает и раскрывает одну и ту же мысль — показывает, как эти книги содействуют духовному сближению народов, как они их взаимообогащают. При этом В. Рагойша постоянно напоминает, что переводная литература — это тоже очень мощный фактор идеологического воздействия на читателя, поэтому борьба за совершенствование перевода — это борьба за то, чтобы переводная книга была такой же действенной, как и ее оригинал.

Следует отметить и то, что В. Рагойша не обошел молчанием также те вопросы, которые теоретиками перевода или замалчивались, или же затрагивались слишком осторожно и поверхностно. Так, в разделе „Якуб Колас аўтарызуе..." едва ли не впервые с такой определенностью и полностью поставлен и рассмотрен вопрос об авто-

ризованном переводе, т.е. о характере вмешательства в перевод и степени ответственности за его качество автора оригинала. Не менее интересным и оригинальным является также раздел „Якое тваё імя, паэт?“, в котором В. Рагойша дает очень нужные и обоснованные рекомендации переводчикам — каких принципов и норм следует придерживаться при воспроизведении топонимов и антропонимов в русско-белорусско-украинском переводе

И, наконец, еще один важный научный аспект рецензируемой работы. Книга В. Рагойши, если давать ей самую общую характеристику, посвящена исследованию литературных взаимосвязей. Известно, что взаимосвязям белорусской литературы с литературами русского и украинского народов посвятили свои исследования М. Ларченко, А. Мальдзис, С. Александрович, И. Бас, П. Охрименко, И. Денисюк, Т. Кобржицкая, Л. Бондар, Э. Мартынова и многие другие советские ученые. Но если они, анализируя различные аспекты литературных взаимосвязей, художественный перевод лишь упоминали, как одно из ярких проявлений процесса духовного взаимообогащения, то В. Рагойша главное внимание сосредоточивает на всестороннем анализе именно художественного перевода. Но при этом акцентируется идейное содержание переводимых произведений, раскрывается эстетическая ценность переводной книги, ее место в духовной жизни народа, на языке которого она получила вторую жизнь, новую познавательную и воспитательную силу. Так, например, анализируя изданный в 1972 г. в Днепропетровске сборник на трех языках, *Чолом тобі, Славутичу! — Поклон тебе, Слаута! — Поклон тебе, Славутич!*, В. Рагойша сосредоточивает внимание на том, как переводчики сохраняют, доносят и отстаивают каждый на своем языке главное содержание книги — пафос дружбы народов-братьев, идею советского интернационализма. Приятно отметить, что подобные издания книг на трех или двух языках получили очень высокую оценку общественности. Становится очевидным, что такая форма сближения разноязычных читателей выглядит весьма перспективной и заслуживает всяческого поощрения. Поэтому нам кажется неоправданным, что В. Рагойша изданные

на трех языках *Курган* (Мінск 1967), *Тарасова доля* (Мінск 1975) Янки Купалы, *Сцяг врыгады* (Мінск 1970) А. Куляшова, а также белорусско-русские издания *Слушайце, Хатны!* (Мінск 1975), *Рэха ў граніце* (Мінск 1975), *Балада Брэсцкай крэпасці* (Мінск 1975) Р. Барадудзіна лишь упоминает в библиографических сносках. обстоятельный анализ этих книг авторскую аргументацию только бы усилил.

Неоспоримую научную важность приобретает поднятый В. Рагойшей вопрос о переводческой текстологии.

Скрупупозное изучение оригинала, его вариантов, выбор для перевода текста, наиболее отшлифованного, отредактированного автором и, в свою очередь, отбор составителем сборника переводов, наиболее полно и точно отображающих лицо автора книги — все это в книге рассматривается как назревшие вопросы переводческой практики, требующие разрешения на строго научной текстологической основе.

В заключение хотелось бы еще обратить внимание на стиль книги, исследовательскую манеру ее автора. Книга читается с интересом, воспринимается легко. И дело тут не только в образном языке, в хорошем, пульсирующем стиле, ничего общего не имеющем с сухим академизмом и отпугивающей читателя перенасыщенностью научной терминологией. Книга привлекает своей богатой, обстоятельной информативностью. Анализ любого частного вопроса в ней дополняется, а точнее будет сказать — используется для того, чтобы дать читателю побольше научной информации о писателях, литературных направлениях, тенденциях, стилях. Так, разговор об авторизованных переводах Якуба Коласа перерастает в книгу в обстоятельную, подкрепленную архивными или же малоизвестными материалами характеристику гражданской и творческой позиции классика белорусской литературы. М. Бажан, М. Нагнибеда, Р. Лубкинский, Д. Павлычко, А. Малышко в книге В. Рагойши представлены не только как переводчики белорусских писателей, но и как самобытные украинские поэты.

Анализ переводов антологии молодой белорусской поэзии *Калинові мосты* (Киев 1969) послужил В. Рагойше поводом для предметного разговора о новом пополнении

белорусской поэзии, об идейно-тематических исканиях этого поколения, о стилевом и жанровом разнообразии современной белорусской поэзии. Исследователем справедливо обращено внимание на то, что переводчики почему-то обошли белорусскую юмористику, без которой представление украинского читателя о современной белорусской поэзии выглядит не полным.

Именно с таким масштабным охватом всего современного литературного процесса ведется разговор на страницах книги *І нас яна дар...* Читатель найдет в ней ответы на вопросы — что из произведений белорусских поэтов, кто и когда перевел на русский или украинский языки. Но не только на эти вопросы. Куда более важным является то, что в книге показано, как эти переводы выполнены в чем их достоинства или недостатки, а также сказано, как они должны быть выполнены.

Разговор же в таком плане ценен особенно, ибо он затрагивает актуальные вопросы теории и практики советского переводческого искусства — важнейшего средства духовного взаимообогащения народов.

Ф. Неборячок, Полтава

Harry Sieber, THE PICARESQUE, Methuen, London 1977, ss. VIII, t. 86.

Recenzowana książka pojawia się w serii „The Critical Idiom”, której celem jest, według słów wydawcy, uprzyświecenie badaczom literatury terminów „nie dających się wyjaśnić za pomocą zwiezłych definicji” (s. VIII). Taką trudną do wyjaśnienia kategorią jest *the picaresque* (najbliższym chyba odpowiednikiem polskim byłaby „pikareska”), z czego autor niniejszej pozycji w pełni zdaje sobie sprawę. Owe trudności terminologiczne wyznaczają cały układ książki.

W pierwszym rozdziale, znacząco zatytułowanym „Prologue: some definitions”, Sieber wskazuje na fakt, że termin „pikareska” jako nieostry dzielił dotąd los innych pojęć literackich, takich jak ironia, satyra, naturalizm, klasycyzm, w tym sensie, że próby definiowania go wprowadzały więcej zamieszania niż po-

rządku. Sieber podchodzi do tematu ostrożnie, cytując definicję z *Oxford English Dictionary*: „Picaresque: belonging or relating to rogues or knaves: applied esp. to a style of literary fiction dealing with the adventures of rogues, chiefly of Spanish origin” (s. 1).

Definicja słownikowa uwypatnia trzy istotne aspekty: 1) że pikareska to pojęcie literackie, określające dzieła, których tematem jest żywot lotrzyka (*rogue*), 2) iż jest to pewien styl w prozie oraz 3) że jest to zjawisko wywodzące się z Hiszpanii, a więc posiadające swoją historię.

Wczesne próby zdefiniowania pojęcia na gruncie historii literatury niewiele dawały aż do momentu, gdy Frank W. Chandler opublikował swój cenny przegląd literatury lotrzykowskiej w Hiszpanii XVII w., *The Romances of Roguery* (1899). Sieber cytuje za Chandlerem pełną definicję *pizaro* — protagonisty owych hiszpańskich opowieści. Określa ona *pizaro* jako lotrzyka (hultaja), który w utworze relacjonuje swoje własne przygody. *Pizaro* pochodzi z ubogiej rodziny; dorastając zdobywa gorzkie doświadczenie życiowe — zarabia na chleb jako służący. Na służbie płata przeróżne figle swoim pryncypałom, co nieraz wtrąca go w tarapaty i zmusza do częstej zmiany liberii. Jest to definicja raczej pewnego „typu” niż konkretnej postaci literackiej. Harry Sieber słusznie wskazuje, że taka typizacja stworzyła niebezpieczny precedens, którego chwycili się inni badacze literatury pikarejskiej. Tak np. opisywano ów gatunek statycznie na podstawie jakiejś jednej cechy dystynktywnej, co prowadziło do wypaczenia obrazu pikareski jako gatunku historycznie rozwijającego się. Nie jest więc pikareska ani literaturą hultajską (*literature of roguery*), ani rejestrem poczyną przestępców (*literature of delinquency*), żebraków (*beggar books*) czy też błaznów (*jest books*). Większe jeszcze trudności pojawiają się, gdy mowa o europejskich adaptacjach gatunku pikarejskiego.

Mając na uwadze owe problemy, Sieber postanawia najpierw prześledzić rozwój gatunku historycznie, od źródła hisz-